

ЛЕСС КЭРРИК

Листки о России

І. Заметки о русской культуре

У русских нет искусства — нет творчества. Их избы ничего не говорят, ничего не воплощают, они сооружены лишь для защиты от ветра и непогоды. Все их искусство начинается с московскими церквями, которые гласят: мы народ одиночек. Но другое искусство — искусство как самовыражение народа, как его обоснование и объяснение, и разметка подводных рифов, и рассказ о штормах, им пережитых, — все это русский народ запечатлевает в слове — вот это у него великое. Вся русская литература XIX века глаголет об исконно русской душе и, что для нас еще существеннее, являет собой предвестие другой, будущей Европы. Или, выразимся вернее, является предвестием воскрешения *исконной* Европы, уснувшей, но не утраченной.

* * *

Если русский народ столь остро ощущает, что он отличается от всех прежних народов, отличается так же сильно, как «да» от «нет», и если это несходство впервые проступает с такой силой за все шесть тысячелетий так называемой «античной культуры», то, стало быть, должны же были все прочие народы этой культуры иметь между собой нечто общее, нечто связующее. В чем же оно заключалось?

В форме патриархальной семьи. В том, что *этос* принадлежал здесь исключительно мужчине.

<...> Русская человеческая пара создана иначе, чем человеческая пара, представленная у Шекспира: у него мужчина — «ста-

бильное, моральное», женщина — «нестабильное, аморальное»; у русских — наоборот. Из этого наблюдения как бы сама собою возникает «контрапунктика»: Шекспир — Достоевский как «противоположные аккорды» и Гёте — Достоевский (как союзники). Отсюда являются и «контрапункты»: «Ветхий Завет — *русский Христос*», а с другой стороны — бесчисленные совпадения между католическим и русским человеком, в противоположность семитско-китайско-арийскому человеку (германцы).

Таким образом мы приходим к вопросу о доисторически-неарийском, «материнском праве» в Европе.

Я вовсе не считаю возможным простое «возвращение матриархата». Нет! Все, во что я верю, это переход от шеститысячелетнего господства патриархата к другому типу культуры, который я позволю себе обозначить как «братское человечество» (так называемый «русский Христос»).

«Русского Христа» я объясняю себе как идею братства. Последзавтрашний большевизм — как противоположность позавчерашнему католицизму.

* * *

В России, пожалуй, что и нет предпосылок для господства унаследованных ветхозаветных законов с антропоморфным Богом-Отцом как Верховным Существом, верховным символом. Русские в массе своей не из того теста созданы, чтобы стать заботливым и работающим отцом семейства (которому лишь бы кое-как наскрести приличный годовой доходик); русский, скорее уж, предпочтет стать степным разбойником.

Свойство матриархальных культур — оседлая работа женщин на пашне, в то время как мужчины заняты охотой или каким-нибудь кочевым промыслом. Да русские мужчины и есть вечные *номады*. В лучшем случае, они скитальцы, ходаки за истиной, в худшем — разбойники и «нигилисты».

Отвращение русских к денежному хозяйству. Обломов. Его лень как еще один (пассивный) вариант «нигилизма».

* * *

Если у этих вечных номадов, скитальцев и есть божество, к которому они прибегают, то другое, не семито-германское — не Бог-Отец, а Богородица, великая Мать: «Матерь Божия, Богородица, скорая помощница, теплая заступница...»

* * *

Татьяна и Онегин. Сначала она ведет себя как девушка современной ей культуры Запада: взирает на мужчину как на своего «ангела-хранителя», «спасителя» и т. д. Вероятно, под влиянием прочитанных ею романов, преимущественно английских. В последней главе положение дел меняется. Теперь *он* приходит к *ней* и молит любви как милости. Недоступная холодность, снисходительное великодушие Татьяны-дамы — это проявление все того же старинного культа женщины как жрицы и королевы, в средиземноморских, а позже в славянских культурах. «*Dame du monde*»^{*} — она существует только там, где возможно почитание Мадонны или — королевы на престоле.

* * *

Состоянием немецкой женщины всегда было — смотреть на мужчину снизу вверх. <...> Трудно было бы ожидать, что немецкая женщина с сегодня на завтра изменит всю систему своего мышления, чувствования, изменит до совершенно противоположного состояния. Скорее, она — под влиянием современной литературы лишившаяся своей извечной веры в «опорную точку» в мужчине — сначала будет стоять в полной растерянности, одинокая, покинутая, в пустоте...

Для сравнения — Соня в «Преступлении и наказании». Когда Раскольникову (истинно русскому герою) хочется знать, что есть добро и что зло, он идет к этой женщине или девушке, совсем еще ребенку, — и *она* знает это! Пусть она не умеет облечь знание в слова, но в ней есть внутренняя уверенность — и увязающий вдруг чувствует под ногами твердую почву, и сомневающийся обретает уверенность, и ищущий слышит: «здесь»...

Или Софья в «Подростке». Возвращение Версилова к ней в конце романа. Русские этому не удивляются. В матриархальной паре все так и должно быть. Каких бы выкрутасов не вытворял мужской партнер в этой паре — он под конец все равно вернется к женщине — как к точке опоры. Потому что центр равновесия Версилова — не в нем самом, не в его теории дворянства, не в рассуждениях о «золотом веке», как бы они ни были умны, — нет, его опорный центр, его духовное средоточие все равно заключается в этой робкой, богобоязненной Софье...

---

* Светской дамы (фр.). — Примеч. пер.

* * *

Германский идеал — человек, гордо шагающий вперед.

Русский скиталец бредет согбенный. Придавленность безличной силой судьбы? Но существует ведь и другой прототип *согбенного* движения по своей жизненной стезе — согбенная фигура Христа, несущего свой крест.

Тютчевские стихи, любимые Достоевским: «Удрученный ношей крестной, всю тебя, земля родная, в рабьем виде царь небесный исходил, благословляя»

* * *

Когда мы идем по земле среди множества людей, мы весело маршируем вперед. Когда мы одни, желание двигаться вперед пропадает, мы обращаемся внутрь себя, — и рождается эта любовь, простирающаяся за моря и горы, любовь ко всему, что живет вне зоны нашего собственного одиночества. Так становится понятна и русская всечеловеческая любовь — через ее единичность.

* * *

Русские — изначально одинокие, единичные души, подобно тому как их церкви, увенчанные множеством главок-луковиц, — это скопление единичностей. Но, согласно закону природы, человек желает выйти за пределы себя самого. Поскольку для русского не существует возможности расширить пределы собственной личности до размеров целого народа — тут-то и возникает это неопределенное, всеочувствующее излучение, эта всечеловечность etc.

* * *

Лермонтов. «Выхожу один я на дорогу». Небо — тоже пустыня, другая *горизонталь*, подобная земной пустынной степи.

...Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Звездам в этой небесной пустыне тоже хочется братства, как и скитальцам на земле.

Самая большая тоска Лермонтова *как русского*: «Я в мире не оставлю брата...»¹

* * *

Есть такая русская песня — про одинокий дуб, растущий «среди долины ровныя». Из песни так и струится ощущение одиночества... «Один, один, бедняжечка, как рекрут на часах...» И дальше: «Ах, скучно одинокому и дереву расти...» Вспомним дуб на картине Каспара Давида Фридриха² — о нем ничего подобного не подумаешь. Пусть ствол древнего дуба тут искорежен, ветви поломаны и вершина сохнет, но впечатления одиночества эта картина Фридриха все равно не производит. В чем тут дело?

Наверное, прежде всего — в окружающем пространстве. У Фридриха дуб — центр притяжения всего изображенного ландшафта. Этот дуб *собирает вокруг себя пространство*. У ствола дуба, прислонясь к нему спиной, стоит пастух или странник с посохом — и пасется стадо овец. Дуб у Фридриха тоже представлен как пастырь добрый... А русскому мир видится как голая степь, продуваемая всеми ветрами: «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...» Тут кроме дуба не за что зацепиться взору, и это только усиливает одиночество отдельно стоящего дерева: дуб не владеет этим пространством, а контрастирует с ним, оно ему чужое. В песне ясно сказано: дуб — это «молодец», попавший *на чужбину*.

Между прочим, тот же образ дерева посреди бескрайней степи, продуваемой всеми ветрами, — как образ одинокой русской души присутствует у Чехова («Степь»!). Там не дуб, а тополь, но тем самым атмосфера одиночества нагнетается еще сильнее: тонкое, стройное дерево, сгибающееся под ветром...

* * *

Разница западной и русской Троиц. В западном христианстве — чисто патриархальное видение: Бог-Отец на троне, держащий в руках тело распятого Бога-Сына, и голубь с ними. Русская Троица — ветхозаветная: трое ангелов, похожие друг на друга как братья, трапезничают за одним столом. Никто из них не подчинен другому. Одинокое дерево торчит за ними, будто это не дуб мамврийский, а символ личности и неподчиненности каждого брата-одиночки.

* * *

Отсутствие *иерархии* в русском мировосприятии. В этом и заключается предпосылка *братского* отношения ко всему в мире.

Русские церкви, небольшие, рассеянные по равнине, не господствуют над нею, подобно огромным готическим соборам (например, на картинах Шинкеля³). Русские церкви, перемежая однообразие равнин, только подчеркивают горизонталь этой равнины. Они теряются в бескрайней дали.

Принцип патерналистской культуры — вертикаль, принцип *башен*. У русских пейзажистов головки храмов торчат исключительно затем, чтобы разнообразить ландшафт. Среди каких-нибудь полей с талой водой и невзрачных деревьев со стаями галок. Или у излучины реки, украшая изгиб берега и красиво отражаясь в воде, но не становясь центром притяжения этого ландшафта, а скорее, только подчеркивая ширь воды и бескрайность неба. Головок много, даже на одной церкви по нескольку. Действительно: *народ одинок*, но в то же время — одиночек, стремящихся к братству.

* * *

Михаил Нестеров «Отрок Варфоломей»⁴. Опять этот русский первообраз *духовного отцовства!* Сирая фигурка худенького мальчика повторяется в очертаниях тонких берез и рябин. Почти голые деревья, глубокая осень, пустеющие поля, пожухлая трава... Расползающиеся во все стороны низкие холмы, покрытые рошицами. Маленькая деревянная церковь, выглядывающая на заднем плане, наполовину прикрытая редющей березовой рощей... Она не в силах сплотить вокруг себя окружающие ее дали — и не хочет их спланивать. Это рассеяние, разъятие, излучение себя в пространство начинается уже с самой церкви, с ее маленьких и тоненьких двух главок, одинакой величины, одинаково посаженных на ровном горизонтальном вершине крыши. Ни одна из этих главок не выше другой. Явившийся отроку Варфоломею старик-святой, конечно, выше и мощнее мальчика. И стоит он у мощного ствола *дуба*. Но в идеале связь этих двоих, старика и мальчика, все равно устремлена к братской равновеликости двух церковных главок!

То же самое с двумя читающими монахами на прогулке⁵: они *внешне* совсем разные, но *внутренне* они братья (а не члены иерархии). Двум этим неспешнодвигающимся человеческим фигурам аккомпанируют тоненькие, почти голые, разрозненно стоя-

щие березки. Церковь, видная на заднем плане, тоже обозначена двумя скромными вертикалями (главка и колокольня).

Впрочем, эти тоненькие березки у Нестерова везде, на всякой картине! И это начинает надоедать. Не гений. Но тем более представитель важнейшей русской *тенденции*.

* * *

Достоевский и Клод Лоррен. Вид гавани при восходе солнца и при закате⁶. Интересно, что Достоевский из Лоррена запомнил только вид *при закате*. «Косые лучи заходящего солнца», вечер западной культуры. В буквальном смысле шпенглеровский «Закат Запада». Жаль, что Шпенглер тогда слишком мало читал Достоевского, знал его очень поверхностно, иначе эти страницы в «Подростке» навели бы его на размышления... Закат Запада, увиденный русским, и тут же — мечта о всечеловеческом братстве. Братстве, возникающем именно оттого, что *вертикали* больше уже нет, нет над этими равно смертными человеческими существами, скитальцами, объединяющей их идеи Бога.

И то, что в конце видения Версилова появляется Христос, для русского тоже в высшей степени характерно: «...но замечательно, что я всегда кончал картинку мою видением, как у Гейне, “Христа на Балтийском море”. Я не мог обойтись без него, не мог не вообразить его, наконец, посреди осиротевших людей. Он приходил к ним, простирал к ним руки и говорил: “Как могли вы забыть его?” И тут как бы пелена упала со всех глаз, и раздавался бы великий восторженный гимн нового и последнего воскресения...»⁷

Это не возвращение идеи Бога. Христос здесь — *брат между другими страдающими братьями*. Он пребывает с ними *на одной горизонтали* страдания и любви...

* * *

Русские с их великой литературой прошедшего века безмерно помогли нам, сегодняшним, взыскующем идеала *нового человека*, — помогли уже тем, что с негодованием и отвращением отвергли «буржуазный» идеал. Будь их герои революционерами-нигилистами, будь они взыскующими религиозных откровений «очарованными странниками», будь они Обломовыми — никто из них не приемлет «приличного» буржуазного стиля жизни.

Хорошо, все-таки, что старый «буржуазный» идеал (оставить как можно больше своим детишкам) постепенно везде начинает

тускнеть, выглядеть все более гадким. В противовес ему набирает силу новый идеал — с чуткостью по отношению к *общему благу* и с недостаточно развитым инстинктом приобретательства ради своей личной выгоды и выгоды своих «ближних». Это значит, что мы сегодня переживаем освобождение из зачарованных пут *старого стиля* — и вхождение в очарованную зону совершенно иного стиля. В добрый час!

II. Из переписки с Освальдом Шпенглером

1

Лесс Кэррик — Освальду Шпенглеру

<после 21 мая 1920 г.>

<...> Постараюсь быть более краткой. Но проще сказать, чем сделать!

Не хочу предпринимать здесь никаких «попыток», и более того, я даже не уверена, что способна выразиться понятным для всех образом. Я просто... собирала в закрома моего собственного маленького мира всякую всячину. Итак, предлагаю Вам оттуда пригоршню зерен.

Судьба. Нет, для начала что-нибудь другое. Да и со сравнениями будет проще.

Немецкие выражения: 1) *Himmel**, 2) *Himmelsdom*** — выражают ощущение чего-то высокого, выпуклого... «*Himmelsdom*» есть бесконечный купол, внутри которого все живет и движется — *вверх*, вниз, кругом, всюду... *Вверх* и вниз колонн без капителей — колонны францисканской церкви в Зальцбурге, купол Брунеллески на Санта Мария дель Фьоре, дрезденская Фрауенкирхе... «*Himmel*» — перевернутое «*ich*»***, некое «*gegen-ich*»**** — *H, i*. Русское слово — «небо» — в первом слоге содержит отрицание «не». Русский, в отличие от немца, вообще не имеет чувства неба. Да, можно прямо-таки утверждать, что у большинства немцев лицо — вследствие растяжения шейных мышц — повернуто на 45° вверх. Меж тем как русский, подобно некоторым животным, лишь с большим трудом (неохотно, по принуждению) может поднять голову вверх, может бросить вверх лишь враждебный взгляд. Русский — астроном? Ведь это же просто умора!

---

* Небо (*нем.*).

** Небосвод; буквально: храм неба (*нем.*).

*** Я (*нем.*).

**** Анти-я (*нем.*).

Вместо «Himmelsdom» он говорит «небосклон». Как ощущение, это подразумевает нечто вроде расширенного в высоту горизонта. Или (в сопоставлении с «Himmelsdom») — нижнюю половинку колпака для накрывания сыра или колпака от мух, горизонтально перерезанного посередине.

И движения вверх там вообще нет, только вниз, вниз, к земле. Что лежит выше плоскости среза? — Гм! — Вообще ничего. *Nihil*. Да это и не его дело. Думаю, в «Сне смешного человека» немец многое прочтет не без легкого изумления. Я имею в виду эту ревнивую любовь именно к нашей Земле. Весь полет направлен не отсюда куда-то, а откуда-то сюда... Так. Всё это как вводные замечания к разъяснениям о «судьбе».

В немецком слове «Schicksal» заложено всё то же сильнейшее ощущение связи со «сверхземным», и одновременно — изреченное «да», изреченное приятие того, что совершается с человеком...

(Когда в 1914 г. пришла весть о первой победе Гинденбурга под Танненбергом, один простой ремесленник в Штеглице сказал: «Другие не понимают нашей свободы! Не понимают, что именно порядок и есть наша свобода!»)

Это недвусмысленно формулируют поэты. Даже если не говорить о классиках. Дойблер, например, влагает в уста своему Кан Гранде: «Что́ я влачу, не знаю сам. То, что́ я есть, то выбрано лишь мной. И эти узы мне — свобода, жизни долг...» А Эрнст Барлах — бессознательно для себя в полном согласии с Эйнштейном — выразил такую взаимосвязь чувства целого и некой непередаваемой словами внутренней уверенности в драме «Бедный кузен». Это приятие, основывающееся на вере в великий смысл, стоящий за всем на свете. (А стало быть, — основывающееся на вере в порядок.) Да, здесь Гегель мог спокойно изречь свое «всё действительное разумно».

Способен ли человек, исходя из подобного ощущения мира, понять конец поэмы Ивана Карамазова о Великом Инквизиторе или его Черта? Не скажет ли он, не должен ли он, в согласии со своим подлинным существом, сказать о конфликте Ивана что-нибудь в духе Кетхен фон Хайльброн: «Глупенький, ведь ты (его) любишь!» Только так я могу объяснить себе всё, что до сих пор было написано об Иване на немецком языке.

Квинтэссенция немецкого ощущения «Schicksal»... должна действовать на русского как красная тряпка на быка. В русском слове «судьба» нет *ничего* от всего вышеизложенного, ничего от *смысла*, с которым человек мог бы согласиться, ничего от уз, соединяющих человека... с Богом, что стоит за всем этим. Напротив, для них это слово выражает ощущение какой-то второраз-

рядной или третьеразрядной силы, обитающей где-то не выше уровня облаков, — силы, которая по собственному *произволу* направляет человека, влачит его, водит туда-сюда — как наживку на крючке, погруженном в воду.

Это ощущение удара в лицо. И оно незамедлительно вызывает ответный удар: «Всё позволено!» Краска стыда от нанесенного оскорбления, и сразу вслед затем: «Кто смеется там над нами?»

Эта «судьба» в последний момент влечет Раскольникова, против его воли, к убийству, приводит Мышкина назад в гостиницу, где ждет его Рогожин с ножом, и т. д., и т. д.

(Между прочим, хоть я и не хотела бы критиковать перевод Феофанова, в оригинале Раскольников выражается более... взрывчато. Прежде всего парочка жаргонных выражений, вроде того, что «ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого», или примерно так. Эта частность только на мгновение вспыхивает крохотной кремневой искрой, но это искра ненависти, поистине достойная индейцев-апачей... или та самая бацилла в крови человека, «устроенного бунтовщиком», — как Иван Карамазов справедливо говорит о русском, хоть и несправедливо о человеке.)

Ответ на *эту* «судьбу» — последний совет Версилова: найди себе «идею», к которой бы ты мог прилепиться душой.

Ответ добрых — любовь. От человека к человеку, горизонтально, на одном уровне — под одним и тем же Ничто. То есть без немецкого чувства целостности. Любовь русских простирается только на земное. Любить звезду? Или даже луну? — Никогда! (Ср. выше, об отсутствии верхней половины небесного купола.) Впрочем, мне опять приходит на память Барлах: «Полная луна всегда напоминает мне большую печать... И что это должны быть за тайны, если их так чудно запечатывают?» Среди русских почувствовать такое, или даже просто понять, способен был в лучшем случае один только Пушкин. (Кровь мавров, немецкая прабабка. Вообще, сходство между Барлахом и Пушкиным — это для меня еще непроясненная расовая проблема.)

Немецкое слово «Wille»^{*} — прямая линия, ведущая к определенной точке. Произнося это слово, человек, наделенный европейской волей, уже выносит центр тяжести за пределы себя самого, перемещает его в точку цели.

Русское слово «воля», тоже обозначающее волевое начало, обозначает еще и свободу. Не то чтобы эти два значения смешивались, но «свобода» — это более сильная половина, и отзвук этого значе-

---

* Воля (нем.).

ния различим даже тогда, когда русский совершенно очевидным образом говорит об изъявлении воли [Wille]. Поэтому русский вообще не в состоянии понимать приказ как определенную волю (категорический императив). Так, приказ императора основывается не на законе целого универсума (см. о судьбе), но на некоем хотении, не имеющем сверхземной опоры, то есть он что-то вроде каприза. (Очень по-русски звучит одна формулировка у Брукса-Адамса: «Закон — воля того, у кого есть власть карать».)

«Воля» означает приблизительно: «я хотел бы, но точно не знаю чего». К тому же в этом слове слышится ощущение свободы, бескрайней равнины, по которой можно носиться туда и сюда, сколько душе угодно.

Говоря о воле Ленина, приводящей самих русских в ошеломление, Горький и другие используют заимствованное слово: «мужественный волюнтаризм большевиков»...

Чернышевский, хорошо владевший немецким и английским языками и занимавшийся переводами, почувствовал эту разницу и практически сконструировал слово «хотение», чтобы каким-то иным словом выразить всю собранность европейской воли. Однако и в русском хотении есть что-то от себялюбия, от обращенности на себя самого, есть что-то центростремительное. Это больше похоже на немецкое «mögen» — я хотел бы [ich möchte].

«Geist» — e, i, s, t = четырехкратное повышение. В этом слове — колоссальная сила насоса, качающего *высь*. На какой бы предмет ни устремлялся этот дух, пусть даже в глубочайшую бездну, кривая его движения сначала всегда идет вверх, в мозг или в надземную атмосферу, и уже оттуда направляется — абсолютно куда угодно.

Русское слово — «дух». Линия его движения обязательно горизонтальна. От человека к человеку. И «дух» обозначает в то же время: дыхание, настроение (расположение духа), молву, мужество, запах и т. д., и т. д.

Немецкое слово «Geist» сразу же локализует соответствующее представление в высшем этаже человеческого тела, в мозгу. Русское слово «дух» локализует его в области легких. Поэтому русский, если речь идет о чем-то мысленном, «абстрактном», мозговом (то есть «духовном» в немецком употреблении этого слова), никогда не скажет «в духе», а скажет просто «в мыслях». Русский «дух», собственно говоря, не абстрактен. У них это больше вопрос темперамента. Горизонтальное искание...

Но мне пора кончать. Сжать суть в *одно* слово — мне это кажется невозможным, по некоторым причинам. Но ведь язык не единственное выражение народа. Греческая архитектура — для меня

то же самое, что в сфере мышления «логос». Именно *греческая* архитектуроника, не рококо. Или Лао-цзы и его «существование + еще одно существование + еще одно существование». Это последовательное нанизывание, без обобщения, этот путь (пусть даже путь вверх) — разве не явлен он в пагоде?

Вы пишете: «В скором времени, может быть, будет написано одно исследование о Достоевском». Написано кем — Шпенглером? Простите мне этот вопрос.

В этом послании, таком неимоверно длинном, я, наверно, сказала что-то, чего не стоило бы говорить. Все это — только следствие долгого вчувствования в различия между языками — и размышлений о том, что всякое различие имеет свою причину. Не заложен ли кальвинизм уже в слове «*destinée*»*, не то же ли это, что «*mécanique céleste*»**? Не скрыто ли в слове «*esprit*»*** искусное стило, тончайшим образом подчеркивающее, анатомирующее, рисующее, гравирующее на меди? И в вибрации «п» в «*ich bin*»**** все то же, что слышится в «*All*»***** и «*Schicksal*»? Все это «непереводимо»! Но не должно ли истолкование народной сущности — подобно гаданию по линиям руки — именно сегодня сделаться одним из немногочисленных, и тем не менее необходимых, орудий в борьбе с дилетантизмом справа и слева?

Всего доброго! В спешке и с наилучшим приветом

Лесс Кэррик

2

Освальд Шпенглер — Лесс Кэррик

Мюнхен, 14 сентября 1922 г.

Глубокоуважаемая сударыня!

Несколько дней назад я опять взялся за Ваши бумаги о Достоевском и получил большое наслаждение от всего того, что Вам удалось извлечь из этих материалов. Мысль свести всю проблему России к проблеме отцовства кажется мне здесь самой удачной. Сегодня я отсылаю Вам назад первую порцию бумаг; между листами я вложил пару замечаний из блокнота, но, к сожалению, таким образом трудно сказать много и разговор обо всех этих вопросах следовало бы вести с учетом гораздо более обширного материала. Ведь противоположность, которую Вы усматриваете между туранским

* Судьба (*фр.*).

** Небесная механика (*фр.*).

*** Дух (*фр.*).

**** Я есмь (*нем.*).

***** Всё (*нем.*).

и европейским человеком, прослеживается на примере старейших народов в трех частях света. Лео Фробениус открыл совершенно то же самое в Африке, где среди современного негритянского населения существует три очень древние культуры; из них две северные различаются между собой именно так, как Вы это описываете. Государства одних напоминают западноевропейские государства; у других место иерархической пирамиды властей заступает горизонтальное членение на союзы. У одних — старинные героические поэмы в духе «Илиады», у других — народные песни в духе былин.

Сейчас, по мере того, как я всё это перечитываю, у меня возникает настойчивое желание увидеть Ваши записки в доработанном и напечатанном виде. Насколько мне известна литература о России, с этими листками ничего не идет в сравнение. И поскольку я знаю, как важно наконец-то осмыслить Восток из самых его глубин, я хотел бы Вам предложить подумать об издании книги о России (скажем, «Душа России»). Если я способен Вам в этом помочь, то всегда охотно готов. Но, возможно, Вы опять приедете в Мюнхен, где мы могли бы обо всем переговорить. У меня непреодолимое отвращение к длинным письмам, и писание писем в конце концов мало что проясняет. Не напишете ли мне, что Вы думаете о таком предложении? Остальные листки я Вам тоже постепенно пришлю. С лучшими пожеланиями

О. Шпенглер

3

Лесс Кэррик — Освальду Шпенглеру

<после 14 сентября 1922 г.>

Глубокоуважаемый господин Шпенглер!

Но так же совершенно невозможно... Вместо того, чтобы способствовать прояснению дела, такие обрывки только запутают все проблемы *еще больше*. Возможно, в этих заметках сыщется пара языковых пояснений, которые Вы могли бы использовать (только, пожалуйста, никому не говорите, откуда...). Например, отец, мать, дух и т. д. — Я только месяц или два тому назад узнала, что Аттис по-лигийски означает «отец». Предполагать я предполагала, но не решалась использовать для доказательства, потому что над этим могли бы начать потешаться как над словесной игрой. Научно доказана, говорили мне, только связь со словами «*ati*», «*tati*», «*tete*» у эскимосов и басуто. <...>

Почта уходит через полчаса. К сожалению, придется послать написанное в том виде, как оно есть, или вообще не посылать. По-

тому что типография и издательство опять ждут несколько моих работ разом. Снова прошу Вашей снисходительности, во всех отношениях. Особенно в исторической части всё крайне слабо, крайне дилетантски.

Л. К.

Если бы я сегодня могла написать всё заново, то должна была бы предпослать этим рассуждениям исторический обзор, чтобы сделать понятным, почему я выбрала обозначение «туранское» <...>.

Кроме того, я должна была бы привести совершенно иные исторические свидетельства в пользу существования человеческих типов, определяемых горизонтальной или вертикальной связью (пока из «чувствовать себя связанными» не вырастет связь, то есть религия). И только затем: «Бог, творящий милость... до третьего и четвертого рода... или до седьмого» — и «всякий пред всеми за всех виноват» — как два полюса!

«Король Лир» — это отдельная глава. Прежде всего следовало бы опровергнуть слабые утверждения Брукс-Адамса, который усматривает во внимании к деньгам всего лишь пошлый конец, а не великую способность к пониманию «дела» — в противовес мгновению, наслаждению, ощущению, переживанию. («Дон-Жуан» Граббе. Фауст — дуализм. Другая крайность: *navigare necesse est, vivere non est necesse**).

Еще одна отдельная история: та роль, которая принадлежит боли у тех, относящихся к другому человеческому типу. Версиров: «да и мог ли я быть несчастлив с такой тоской?» — и Сирано де Бержерак! И напротив, антипатия к боли у «вертикальных». (Может быть, именно в этом смысле им суждено пройти курс принудительного испытания болью, чтобы они не так легко от нее отделались?)

Между прочим — сравните слова Сирано: «*C'est bien plus beau lorsque c'est inutile!*»^{**} и суждение Подростка об отказе Версирова от наследства...

Если бы «туранское» оставалось принадлежностью одних только русских, это было бы не так страшно. Могут там, у себя, делать всё, что им угодно. Угрожающим положение становится только тогда, когда те же бактерии вдруг обнаруживаются и в Западной Европе. На протестантском севере...

Задача подобных изучений заключается всего лишь в выявлении бактерий, которые, конечно, никогда не исчерпывают целого.

* Мореплавание необходимо, жизнь не столь уж необходима (*лат.*).

** Это тем прекраснее, что оно бесполезно (*фр.*).

Но если лупа не увеличит их до гигантских размеров, болезнь так и останется необъясненной.

Самое сложное состоит в том, как определить их подлинную величину и силу их воздействия.

Ведь вполне возможно, что задача «горизонтальных» состоит лишь в том, чтобы отсечь старое, освободить от него. А затем всё опять пойдет дальше «вертикально». Новое начало со слегка изменившейся природой людей?

Предположить ли тут вместе с Краликом периоды длительностью в 1800 лет? Или принять за единицу измерения 3×1800 и допустить, что теперь начинаются три совсем новых периода? — Новый Завет...

Стало быть, «закат Запада» — это только закат патриархальной культуры? Решенный и ускоренный катастрофой мировой войны? <...>

4

Освальд Шпенглер — Лесс Кэррик.

Мюнхен, 16 ноября 1922 г.

Глубокоуважаемая сударыня!

По вашей просьбе посылаю Вам то, что еще оставалось у меня из ваших бумаг, хотя делаю это с большой неохотой. Я только что завершил просмотр моего первого тома и в последние недели вынужден был запретить себе любое другое чтение. Сейчас опять заглянул в Ваши записки, и они вызвали во мне самое большое сочувствие. Смее ли я уже сейчас просить Вас после моего возвращения (я уезжаю до Нового года) еще раз доверить мне все эти материалы? Вы непременно должны сделать из этого книгу — в свободной афористической форме.

«Исповедь Ставрогина» у меня есть; она меня разочаровала. В сравнении со всем остальным она выглядит намного слабее. С лучшими пожеланиями

Ваш О. Шпенглер

